

**ПОСТАНОВКА РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ВОПРОСОВ. Статья первая. НАУКА И
НАРОД (Идеализм и материализм.
Религия и Государство. Просвещение и
Революция)**

Михаил Бакунин

Написано летом 1868. Опубликовано 1 сентября 1868.

Оглавление

1. История идеализма и науки в философии. (Научный метод. – Небо и Земля. – Позитивизм Конта. – идеализм Канта. – Гегель и Фейербах. – Революционная наука. – Развитие и освобождение. – английские и французские позитивисты – попы науки.)	4
2. Государство и Религия. Чего мы хотим?	14
3. Критика просвещенческой тактики. (История народного просвещения. – Дворяне. – Из кого состоит революционная фаланга?)	17
4. Революция. Что делать с народной верой?	22

Написано летом 1868 Кларенс, Швейцария. Опубликовано в «Народное Дело». 1 сентября 1868, Женева.

Журнал «Народное Дело» был основан Бакуниным по инициативе Н. И. Жуковского. Подписей под публикациями нет, однако материалы первого номера «Народного Дела» в основном принадлежат Бакунину. В первом номере журнала были четыре статьи: «Необходимое объяснение», «Наша программа», «Правительственная реформа» и это статья Журнал вышел в начале сентября 1868 года, незадолго до II, Бернского, конгресса Лиги Мира и Свободы. Отдельные статьи неоднократно переиздавались. Бакунин задумывал серию статей под общим названием «Постановка революционных вопросов», однако перестал участвовать в дальнейшем издании журнала «Народное Дело». При всем при этом имеется еще одна статья, уже названная «Постановка Революционного Вопросы», вышедшая в апреле-мае 1869, видимо отдельной брошюрой, поставившая задачу показать революционность русского разбойничества. Статья была публикатором разделена на четыре части для удобства чтения, а также к названию добавлены слова в скобках, чтобы читатель глубже понимал главные темы статьи.

ПОСТАНОВКА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОПРОСОВ

статья первая

НАУКА И НАРОД

1. История идеализма и науки в философии.

**(Научный метод. – Небо и Земля. –
Позитивизм Конта. – идеализм
Канта. – Гегель и Фейербах. –
Революционная наука. – Развитие
и освобождение. – английские и
французские позитивисты – попы
науки.)**

Чего мы ищем? Чего мы хотим? Того же самого чего хотели и искали живые люди всех времен и всех стран: **Истины, Справедливости и Свободы.**

Да не побойтся читатель, что мы затеряемся в заоблачных рассуждениях о том, что такое **Истина**? Мы знаем, что за облаками ее не найдешь. Под этим словом, мы разумеем простую, естественную логику, присущую всему действительному, или всеобщий порядок явлений, подмеченный человеческим разумом, как в мире вещественном, так и в мире социальном.

Мы, разумеется, отрицаем, самым решительным образом, произвольное и нелепое разделение мира действительности на физический и духовный; но считаем полезным сказать несколько слов о том, как произошло это разделение, пожалуй, естественное и в историческом смысле необходимое, но тем не менее имевшее на судьбу человечества самое плачевное действие. Оно было порождено, в начале истории, как бы недоразумением едва проснувшегося разума, не сознававшего себя и потому не подозревавшего, что он сам ни более, ни менее, как одно из естественных порождений природы. Лишенный таким образом возможности действовать самосознательно, трезво, разум проявился сначала в поэтических грезах и в религиозных представлениях, а потом, в форме метафизического самоуглубления и отвлеченного самостроения, и стал искать в *едином* себе причины всего. Но раз противопоставив себя, как нечто отдельное и самостоятельное, не только внешнему миру, но даже и непосредственному производителю своему – человеческому организму, он непременно должен был раздвоить единый мир действительности на мир «физический» и на мир «духовный».

С тех пор как мы узнали физиологическое происхождение всей нашей умственной деятельности, мы с одинаковой необходимостью пришли к сознанию нелепости подобного раздвоения.

Един мир и едино средство для познания назначения законов или порядков его, для добывания **Истины** – *Наука*; не метафизика и не отвлеченные умопостроения, а наука, основывающая свои рассуждения на опыте, употребляющая одинаково метод дедуктивный и метод индуктивный, и проверяющая беспрестанно свои гипотезы строжайшим наблюдением и анализом фактов.

Таким образом изгнано из науки все сверхъестественное, все неразумное: понятие о боге и все другие понятия, вытекающие из него, или соприкосновенные с ним. Единство и самая возможность рациональной науки впервые поставлены. Остается восстановить то же единство и тот же разум в жизни. Жизнь человека, коллективная и индивидуальная, от начала истории по самое настоящее время, делится, как известно, между двумя противоположными, друг друга отрицающими, друг друга уничтожающими мирами: духовным и материальным, земным и небесным. К небесному стремятся все религиозные помыслы и чувства, все идеальные движения души; к земному все интересы земли, все материальные хотения и похоти живого человека. Первому миру приписывается все что называют истиной и добром; второму все грехи и вся ложь. Историческая судьба человека, переходя через многообразные пути и ступени развития, была до сих пор результатом этой непримиримой борьбы двух миров, соединение которых в один мир, в одну дружную жизнь, после многих серьезных попыток, сделанных в различные времена искусством, религией, политикой, и наконец метафизикой – оказалось решительно невозможным. Человек не

умел, и, пока оба мира в его сознании будут существовать друг от друга отдельно, он никогда не успеет освободиться в жизни своей от пагубного раздвоения: одна часть его существа будет в непрерывной борьбе с другой, а результатом такой борьбы может быть только или «преступная анархия» – бунт материи, или торжество духа, покорение материи, водворение порядка – добродетельное рабство.

И так, чтоб окончательно освободить человека, надо положить конец его внутреннему раздвоению – надо изгнать бога не только из науки, но и из самой жизни; не только положительное знание и разумная мысль человека, но и воображение и чувство его должны быть избавлены от привидений небесных. Кто верит в бога, кто признает существование отдельного духовного или небесного мира, кто допускает в малейшей мере сверхъестественный, для разума непостижимый порядок вещей, тот обречен на неминуемое и безвыходное рабство. Люди науки освобождаются от него путем науки и *только в области науки*, но не в действительности, не в жизни. Потому что жизнь каждого человека, как бы он ни был учен и мудрен, находится, вследствие закона общественной солидарности, в прямой и неперемнной зависимости от жизни всех, от жизни народа; народ же своей верой обречен на рабство. Кто поэтому хочет быть сам свободен действительно, в жизни и в деле, тот должен устремить все усилия свои на уничтожение народной религии.

Вот главный пункт, по которому мы расходимся с *позитивистами* – последователями Огюста Конта.

Огюст Конт, точно так же как Прудон, Шопенгауэр¹ и некоторые из новейших английских мыслителей, принял за основание своей позитивно-философской системы известное учение Иммануила Канта о неспособности человеческого ума проникать в сущность вещей.

«Наш разум – говорит кёнигсбергский философ², – обнимает *только явления*, как внешнего или физического, так и внутреннего или духовно-нравственного мира, как жизни природы, так и исторического развития общественной жизни; обнимает лишь взаимные отношения явлений, многообразные виды их соприкосновения и связи между собой, а также порядок их следования одного за другим, их происхождения и исчезновения в пространстве и времени, одним словом, все что мы называем **законами природы**. Но сущность вещей, существование их для себя, независимо от нашего сознания и вне всякого к нему отношения, *вещь*, так как она есть *по-себе* (Ding an Sich) и *действительная причина ее порождающая*, для нас недоступны. У нас не достает ни органов, ни средств чтобы добраться до них.

Нет средств, потому что всякая вещь, *являющаяся* нам необходимым образом, облекается в формы или категории, которые принадлежат не ей, а нам, нашему

¹ Шопенгауэр (Schopenhauer) – немецкий философ-идеалист. Основное сочинение – «Мир как воля и представление» («Die Welt als Wille und Vorstellung», 1819, 20е изд. – 1844; 3-е изд. – 1859). Иррационалистическая и пессимистическая философия Шопенгауэра, практически не пользовавшаяся популярностью при его жизни, получила распространение со 2-й половины XIX в., став одним из источников «философии жизни» и предшественником ряда концепций так называемой «глубинной психологии» (учения о бессознательном).

² Мы приводим здесь не собственные слова его, но смысл сказанного им в сочинении, известном под названием: *Критика Чистого Разума*. (прим. авт.)

сознанию, присущи нашему разуму, прежде всякого опыта, то есть прежде всякого столкновения его с какими бы то ни было предметами. Эти формы или законы нашего *чистого* созерцания, нашего *чистого* представления, рассуждения и умозаключения, Кант называет *чистыми априористическими категориями разума*. Таковы например: категория пространства и времени, величина и количество, качества, меры, сущности, отношения, явления, причины и действия, взаимодействия, случайности и необходимости и так далее».

Вся беда Канта состояла в его идеализме, вследствие которого он приступил к критике чистого разума, не позаботясь узнать о его физиологическом происхождении, и стал его разбирать, как нечто абсолютное, существующее независимо от всего. Нашедши в нем, таким образом, формы или законы мышления, выработанные в нас веками, но принятые им за формы присущие самому разуму и потому, будто бы независимые от всякого опыта, Кант естественным образом заключил, что, так как всякая вещь может являться нам только через посредство этих форм, которые принадлежат не вещи, а нам, то мы можем знать ее только так, как она нам является, а не так как действительно по себе существуют.

Если б Кант поверил современнику своему Юму³, утверждавшему ему наперекор и совершенно сообразно с истиной, что мнимо априористические формы сознания не что иное как продукты бесчисленного множества бессознательных или позабытых нами впечатлений и опытов; если б, главным образом, Кант дождался до того времени, когда всем лучшим умам стало ясно, что разум не искра упавшая с неба, а не более как деятельность самого мозга, следовательно продукт нашего телесного организма, он не противопоставил бы идеальный мир сознания действительному миру вещей, не разделил бы их искусственной пропастью, и разумеется, догадался бы, что между *явлением* и *вещью по себе* нет и не может быть разницы.

Как бы то ни было, установив раз по своему теорию чистого разума, Кант провел через неумолимую критику все богословские и метафизические идеи: о бесконечном, о первоначальной причине, о сущности и о конечной цели мироздания, о боге, о бессмертии души и тому подобном, и заключил, что все эти идеи, даже и в том предположении, что они соответствуют в самом деле действительности, по сущности своей недоступной для нашего сознания, не могут быть дознаны, оправданы или доказаны нашим разумом. Причем нужно заметить, что сам Кант так мало сомневался в действительном существовании идеального или бесконечного мира, бога, бессмертия души, и свободного произвола ее, что в своей *Критике Практического Разума*⁴ он поставил их как *постулаты*, или как предполагающие требования разумной воли.

Германская умозрительная философия на этом не остановилась. Фихте, Шеллинг и Гегель, в качестве последних метафизиков, пытались вновь вывести объективность, или действительность бесконечных идей из самого разума. Но вместе с тем, именно

³ Юм (Hume) Дейвид (1711-1776) – английский философ, историк, экономист и публицист. Сформулировал основные принципы новоевропейского агностицизма, предшественник позитивизма. В 1739 году опубликовал главное свое сочинение – «Трактат о человеческой природе». В 1753-1762 годах работал над восьмитомной «Историей Англии». В 1763 -1766 годах на дипломатической службе в Париже.

⁴ Впервые опубликована в 1788 году.

Гегель, которому принадлежит несомненная и великая честь доведения метафизического метода до самоубийства, нанес этим идеям решительный и последний удар, показав их натуральное историко-психологическое и социологическое происхождение; в Феноменологии своей, в Философии Истории, в Эстетике, в Философии религии и в Философии Истории философских систем⁵, он явным образом и с гениальной сметливостью и смелостью представил их как необходимые исторические моменты постепенного саморазвития, самопроявления и самоуразумения человеческого разума; так что все эти мнимо бесконечные идеи, которые в продолжении нескольких тысячелетий были признаваемы человеком за самостоятельные и верховные сущности, не только от него независимые, но преобладающие над ним и над миром, оказались теперь собственным, правда бессознательным, произведением его ума – говоря проще – необходимым продуктом его натуральной исторической глупости. Таким образом, бог, бессмертная душа, таинственный мир бесконечных субстанций, объяснились, самым простым образом, как обманчивое отражение, как мираж нашего еще детского разума, созерцавшего себя вне себя и перенесшего свою собственную, фантастически им до бесконечности расширенную суть в фантастическое небо.

Вот, как бы наперекор самому Гегелю, последнее слово всей его системы. Правда, что это слово было высказано им так не ясно, что огромное большинство гегельянцев, как заметил поэт Гейне⁶, его не поняли. Но понял и высказал его с великолепной простотой и искренностью, в самом начале сороковых годов, единый великий ум в этой школе, после Гегеля, последний гегельянец и, можно сказать вообще, душеприказчик осужденной на смерть метафизики, знаменитый **Людвиг Фейербах**, столь много читаемый русской молодежью.

После Фейербаха, необходимость обращения к миру действительному, необходимость фактического изучения и разумного, но не метафизического понимания его, необходимость основания целой системы наук, включая сюда, разумеется, всю психологию и всю социологию, на естествознании, стали ясны, в Германии, для всякого здравого ума, для всякой живой души. И вот появилась целая вереница ученых, основателей новой натуральной школы, и, если нам позволено будет так выразиться,

⁵ Имеются в виду труды Г. Гегеля «Феноменология духа» (1807), «Лекции по философии истории» (1837), «Лекции по эстетике» (1835-1838), «Лекции по философии религии» (1821-1830), «Лекции по истории философии» (1833-1836).

⁶ Гейне (Heine) Генрих (1797-1856) – немецкий поэт, публицист, критик.

апостолов революционной науки. Имена **Бюхнера**⁷, **Карла Фогта**⁸, **Молешота**⁹ и нескольких других, точно так же известны в России, как имя самого Фейербаха.

Мы их называем по праву апостолами революции. Они не только ученые, нет, они выступили как бойцы против всех призраков, порожденных идеализмом религиозным и метафизическим, и преграждающих человеку путь к свободе. Они на всенародном языке назвали себя **атеистами** и **материалистами**, поняв, что назначение науки – освобождать без исключения *все* умы, и готовить тем самым освобождение самого общества.

Признание в мире, вне его и над ним, высшего бесконечного существа; богопризнания и богопочитания всякого рода; учение о бессмертной душе и о загробных наградах и наказаниях и неразрывно связанное с ними существование *церквей*, попов-посредников и примирителей в богом, чудотворцев, пророков, и *богопомощников законодателей и царей*; так же, как необходимо из них вытекающее существование богопоставленных *государств*, со всем их историческим хламом: с правом государственным, уголовным, гражданским; с наследственной собственностью и деспотизмом семейным; с политической властью и с военным насилием; все эти темные порождения религии были несомненно продуктом того первобытного рабства, в котором наш род погрязал в начале своей истории, когда он только что стал выделяться из рода горилл или других обезьян. Все эти несомненные следы, нашей первоначальной животности, человек тащил, постепенно их уменьшая по мере того, как он сознавал и осуществлял свое человечество, сквозь всю историю; тащил их как освобождающийся Спартак¹⁰ тащит свою цепь. И очевидно, что чрезвычайная тяжесть этой исторической цепи была и продолжает быть главной причиной несносной медленности человеческого освобождения и развития. Но очевидно, также с другой стороны, что все эти продукты нашего доисторического *натурального рабства*, непременно образом должны были сделаться, в свою очередь, новым источником

⁷ *Бюхнер* (Büchner) Фридрих Карл Христиан Людвиг (1824-1899) – немецкий врач, естествоиспытатель и философ. Представитель вульгарного материализма, считал, что сознание, как зеркальное отражение действительности, является материальным. Отрицал диалектику и социальную природу человека. Был сторонником и пропагандистом дарвинизма и распространил его принципы на общественную жизнь, разделяя таким образом идеи социального дарвинизма.

⁸ *Фогт* (Vogt) Карл (1817-1895) – немецкий естествоиспытатель и философ, представитель вульгарного материализма; участник революции 1848 года, член Франкфуртского национального собрания. Был заочно приговорен к смертной казни и до конца жизни находился в эмиграции в Швейцарии. С 1852 года профессор Женевского университета. Блестящий преподаватель и оратор, принимал горячее участие во всех общественных и государственных делах. Популяризируя идеи естественнонаучного материализма, дарвинизма и атеизма, Карл Фогт отождествлял сознание с материей, полагая, что мозг выделяет мысль примерно так же, как печень – желчь.

⁹ *Молешот* (Maleschott) Якоб (1822-1893) – немецкий физиолог и философ, представитель вульгарного материализма. Изучал медицину и физиологию в Гейделбергском университете, в котором с 1847 года читал лекции. В начале 1850-х годов подвергся преследованиям за пропаганду материализма и атеизма и переехал в Швейцарию. С 1860-х годов жил в Италии. Профессор в Цюрихе (с 1856), Турине (с 1861) и Риме (с 1879). В 1876 году его избрали сенатором Королевства Италии. Отождествлял философию с естествознанием, а в мышлении видел лишь физиологический механизм. Сочинения Малешоты, переведенные на русский язык, пользовались большой популярностью в России в эпоху 1860-х годов.

¹⁰ *Спартак* (Spartacus) (?-71 до нашей эры) – в Древнем Риме вождь восстания рабов 73-74-71 годов до нашей эры.

нового *исторического* рабства, которое продолжает тяготеть над нами и от которого мы освободиться можем только путем рациональной науки.

Поэтому, не спрашивая даже, до какой степени, вышеупомянутые основатели новой натуральной школы в Германии, сами желают или даже понимают **практические** последствия созданного ими учения, мы были вполне в праве назвать их апостолами революции. Уничтожая *в народе* веру в небесный мир, они готовят свободу земного. Между этой школой и школой Огюста Конта существует, **именно по этому пункту**, огромная разница.

Огюст Конт, бесспорно, один из замечательнейших умов нашего века, развился чисто на французской почве и, можно сказать, совершенно независимо от всякого влияния со стороны германской философии, из которой ему был несколько знаком только Кант. Он был в своей молодости учеником Сен-Симона, а в 1830 году появилась уже первая часть его знаменитого *Курса Положительной Философии*. Его великое преимущество перед германскими философами состояло в близком знакомстве с положительными науками. Он был одним из последних и наименее способных представителей той славной математической и физической школы, которая, со времен революции, процветала во Франции до начала пятидесятых годов, и которой, знаменитый Араго¹¹, впрочем, гонитель Конта, был, можно сказать, последним замечательным представителем. Огюст Конт был *позитивист* по природе, по преданию, по характеру своей нации, по всей общественной обстановке. В его уме не могло быть места для германского идеализма.

Порядок следования наук в его системе чрезвычайно схож с порядком установленным *Энциклопедией* Гегеля¹²; но у Конта перед Гегелем то огромное преимущество, что в то время, как последний силился основать природу на логике, на разуме, на духе, – Конт напротив, и совершенно справедливо, основывает разум, и так называемый дух, на природе, зиждет все духовно-нравственное развитие человека – психологию и социологию, исключительно на космических, физиологических и антропологических основаниях. В этом – каковы бы ни были его ошибки в разрешении специальных вопросов – его бессмертная заслуга. Таким образом он, со своей точки зрения, также как и новые натуралисты Германии, нанес тяжелый удар идеализму, изгнав его окончательно и *систематически* из науки.

Но именно вследствие того, что ему не была известна новейшая история последовательного саморазрушения метафизического начала в Германии, он не умел покончить с идеализмом. Он только обошел его. Изгнав его из науки, он позволил ему царствовать бесконтрольно в широкой области воображения и чувства. Руководясь критикой Канта, взяв как бы на веру его заключения о неспособности разума познавать бесконечное и проникать в сущность вещей, он принял за основание своей системы, мысль, уже давно впрочем принятую, в виде аксиомы, всеми французскими

¹¹ *Араго* (Arago) Доминик Франсуа (1786-1853) – французский астроном, физик и политический деятель, член Парижской Академии Наук (с 1809 года). С 1830 года непреременный секретарь Парижской Академии Наук и директор Парижской обсерватории. В 1830-1848 годах член палаты депутатов, примыкал к республиканской оппозиции. После февральской революции 1848 года вошел в состав временного правительства и занял пост морского министра. В 1852 году отказался от присяги правительству Наполеона III. Оказал большое влияние на французскую науку.

¹² Речь идет о работе Г. Гегеля «Энциклопедия философских наук» (1817).

учеными, – вы найдете ее в предисловиях или в введениях многих французских учебников механики, физики, химии или другой положительной науки – а именно, что человек способен познавать только явления и отношения явлений между собой, то есть законы природы и общества; но что первоначальная причина явлений, их настоящая суть, останется для него вечно недостижимой тайной; при чем предоставляется воображению и чувству заниматься ими сколько и как будет угодно, позволяется даже им восстановить для своего собственного обихода бессмертие и бога, отнюдь не отрицаемых позитивным учением, но только изгнанных из науки. Таким образом остаются и овцы целы и волки сыты.

Вот главный пункт, по которому мы расходимся не только с нашими доморощенными позитивистами, но и с серьезнейшими представителями «Положительной философии» в Европе. Они, несмотря на большую ученость и на многие другие достоинства – или лицемеры или недодумки.

«Мы не атеисты и не материалисты, гласят они, мы только позитивисты. Мы не отрицаем отнюдь существования ни бога, ни бессмертной души, а только говорим и доказываем, что для всех бесконечных существ, ежели они существуют, для всех этих идей преходящих границу *известного* мира явлений, не может быть места в науке, – что они для разума недоступны».

Не то ли же самое говорят богословы всех церквей и религий?..

Число недодумок, а, пожалуй, также и лицемеров всего значительнее между позитивистами в Англии. Известно, что в привилегированном, буржуазном и аристократическом английском мире, при большом развитии свободы политической, существует чрезвычайное социальное рабство, проявляющееся главным образом инквизиционным могуществом «святых»¹³, и полуверующим, полулицемерным библейским настроением публики, не на шутку трепещущей перед ними. Известно, что почти всякий **порядочный** англичанин, как бы он не был умен, образован, считает обязанностью выслушивать несноснейшую проповедь каждое воскресенье, потому что того требует его **джентльменство**, и потому что он должен служить примером народу, который, если отпадет от религии, пожалуй, возьмется за удовлетворение своих *земных аппетитов*¹⁴, и тем нарушит спокойствие и комфорт джентльменского существования. В XVII и в XVIII веке еще были искренние и смелые мыслители в

¹³ Нередко называют так в Англии членов библейского и многих других обществ, ревностно занимающихся религиозной пропагандой (прим. авт.).

¹⁴ Эти слова были напечатаны меньшим шрифтом, чем все остальные слова, поэтому, чтобы сохранить аутентичность, помечаем их подчеркиванием.

Англии. Но в XIX веке, кроме поэта Шелли¹⁵, никто еще не осмелился назвать себя громко атеистом и материалистом.

Не мудрено, что при таком расположении умов, английские философы и натуралисты ухватились, с большой радостью, за возможность, открытую им системой Конта, идти до конца в ученых исследованиях и вместе с тем не прослыть ни атеистами, ни материалистами. Такую практическую двойственность найдете вы во всех сочинениях Бокля¹⁶, Дарвина¹⁷, Льюиса¹⁸, Герберта Спенсера¹⁹ и Стюарта Милля²⁰. Они не революционеры, а потому боятся, не хотят и не находят нужным посягать на веру народную. Но если б буржуазный инстинкт и вытекающие из него *практические соображения* не омрачили их логики, они давно бы поняли и признали бы честно и

¹⁵ Шелли (Shelley) Перси Биши (1792-1822) – английский поэт. Был исключен из Оксфордского университета за публикацию трактата «Необходимость атеизма» (1811; совм. с Т. Дж. Хоггом). Социально-политические взгляды Шелли сложились под воздействием идей Великой Французской Революции, сочинений французских просветителей XVIII века, Т. Пейна и особенно родоначальника западноевропейского анархизма В. Годвина, с которым он познакомился в 1813 году и на чьей дочери Мэри был женат. Бунтарские настроения присущи первым литературным произведениям Шелли – анонимно изданным «готическим романам» «Щастроцци» (1810) и «Сент-Эрвин» (1811), сборнику стихов «Подлинные стихотворения Виктора и Казеры» (1810, совм. с сестрой Элизабет), ранним политическим стихотворениям.

¹⁶ Бокль (Buckle) Генри Томас (1821-1862) – английский историк и социолог-позитивист. Главный труд – двухтомная «История цивилизации в Англии» (1857-1861; русский перевод: «Отечественный записки». 1861. Отд. изд. 1863-1864). Взгляды Бокля проникнуты верой в безграничную силу разума и общественный прогресс, ненавистью к клерикализму, убеждением в возможности использования научных методов (особенно статистики) для познания законов истории.

¹⁷ Дарвин (Darwin) Чарльз Роберт (1809-1882) – английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного учения о происхождении видов животных и растений путем естественного отбора.

¹⁸ Льюис (Lewis) Джордж Генри (1817-1878) – английский журналист, литературный критик и философ-позитивист, последователь О. Конта. Большую популярность имела его «История философии...» (Т. 1-4, 1845-1846; русский перевод: 1864), где он рассматривает историю философии как историю заблуждений, доказывающую невозможность иного пути познания, кроме позитивизма. Выдвинул принцип «функционального безразличия нервов», подвергнув критике учение «физиологического идеализма» о специфической энергии органов чувств.

¹⁹ Спенсер (Spencer) Герберт (1820-1903) – английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма. Основоположник органической школы в социологии. Классовое строение общества и выделение в его рамках различных административных органов понимал по аналогии с разделением функций между органами живого тела. В этике стоял на позициях утилитаризма и гедонизма, нравственность, по его мнению, связана с пользой. Настойчивое выполнение долга, отказ от личных выгод ради счастья других сами делают источником наслаждения. Этот источник наслаждений, лежащих в основе альтруизма, путем наследственной передачи будет внедряться все глубже и глубже в существо человека и перешивать эгоистические побуждения альтруистическими.

²⁰ Милль (Mill) Джон Стюарт (1806-1873) – английский философ-позитивист, экономист и общественный деятель. С 1823 по 1858 года служил в Ост-Индской компании. В 1864-1868 годах член палаты общин, где поддерживал либеральные и демократические реформы. В 1843 году он выпустил «A System of Logic» (10 изданий) – наиболее оригинальное его произведение; в 1848 году – «Principles of Political Economy» (6 изданий); в 1861 году – «Utilitarianism» (3 издания) и другие; написал также множество журнальных статей, посвященных самым разнообразным вопросам философии, политики, экономики и литературы. В течение нескольких лет самостоятельно издавал радикальный журнал «London and Westminster Review». С 1841 года состоял в переписке с О. Контом, философские и социологические взгляды которого оказали на него глубокое влияние. Разделяя ряд философских и логических установок позитивизма Конта, отвергал его социально-политическую доктрину, в которой усматривал систему духовного и политического деспотизма, игнорирующую значение человеческой свободы и индивидуальности.

громко, что одного допущения наукой **возможности** существования бога действительного, хотя и не доступного для самой науки, достаточно, чтобы, с одной стороны, утвердить в сердцах непросвещенных людей царство этой идеи, а следовательно и рабство людей, и чтобы, с другой стороны, уничтожить самую возможность науки. Потому что, куда вмешивается сверхъестественная и всемогущая сила, там не может быть ни порядка, ни смысла, ни логики, не может быть и свободы; Всемогущество же ни во что не вмешивающееся, ничего не прерывающее и ничему не мешающее – равно нулю.

Нужно признать, что французские позитивисты, если и немногим искреннее, то по крайней мере гораздо последовательнее английских. Умнейшие между ними атеисты и материалисты. Но весьма немногие между ними согласятся признаться в этом публично. Они философы, а не бойцы, и официальным гонениям слишком себя подвергать не намерены. А ныне, как всем известно, преобладает на правительственных вершинах, во Франции, самое трогательное католическое настроение: сенат, камера народных представителей, вся бюрократия, магистратура и войско – сама академия наук, проникнуты христианством. В такой среде выступать с атеизмом и материализмом неловко.

К тому же французские позитивисты отнюдь не ощущают потребности посвящать темные массы в свое неверие. Они *аристократы интеллигенции*, попы науки.

«Напрасно, говорят они, правительства стали бы нас преследовать. Мы им не мешаем, и хотя правда не отталкивает от себя ни одного из тех немногих избранных, которые к нам приходят, требуя от нас посвящения в тайны *научного метода*, мы не зовем к себе никого; и не только мы не делаем пропаганды против общественной метафизики и против народной религии, но находим напротив, что как та, так и другая *необходимы* для тех классов, в среде которых они продолжают царствовать ныне – необходимы для всех тех, которые, или вследствие умственной неспособности, или вследствие отсутствия средств и времени для учения, не могут подняться на высоту чистой науки».

Позитивисты, с консервативной точки зрения, без сомнения правы: религия для народной черни необходима.

2. Государство и Религия. Чего мы хотим?

Так как до сих пор всякое управление народом имело постоянной и неперменной целью порабощение народной производительной силы в пользу привилегированного и более или менее праздного меньшинства, – в этом ведь именно и состоит вся суть государства, – то всем правительствам необходимо иметь в руках средство для убеждения непросвещенной толпы в необходимости такой жертвы. Средство это может быть только двоякое: или религиозное убеждение, или насилие; или страх божий, или палочный страх. Но только одним насилием не удержать в повиновении даже самого смиренного, самого вялого народа. Всякое существо, живущее в мире, какова бы ни была его относительная слабость, способно к самому энергическому отпору, когда у него отнимают условия необходимые для его жизни; а материальная сила народа всегда значительнее силы притесняющего и эксплуатирующего его меньшинства. Поэтому, для одержания полной и продолжительной победы над народом, необходимо ослабить его натуральную энергию, – ослабить и развратить в нем силу отпора. – Это дело религии.

С другой стороны, недостаточно также и одного действия религии для порабощения народов. Логика интересов, нужд и потребностей жизни сама по себе так ясна, так сильна, что, если бы ей дали только волю и не воздерживали бы ее постоянным насилием, от фактической постановки вопросов, она была бы способна разбить все кумиры в народном воображении и сердце; что имело бы опять непременно последствием уничтожение всех привилегий ныне повсюду царящего меньшинства. И так, для сохранения порядка, необходимо чтобы обе власти: церковная и государственная, оба страха: земной и небесный, дополняли друг друга. Вот почему во всех государствах, с тех пор как существует история, палочное управление и религиозное управление были родными и неразлучными братьями.

Сторонники революции – мы враги не только всех религиозных попов, но также и попов науки; – враги всех утверждающих, что религия нужна для народа – отвратительная и подлая фраза, которая, в сущности, имеет вот какое значение: *«Народное невежество необходимо нам, эксплуататорам и притеснителям народа».*

Мы хотим разрушения всякой народной религии, и ее замены народным знанием. Да, мы хотим для народа разумного, строго научного знания.

Мы хотим его, потому что **хотим окончательного освобождения народа из-под всякой государственной опеки;** но не для того, чтобы подвергнуть его новой опеке революционных доктринеров. **Настоящая революция именно состоит в совершенном уничтожении всякой опеки, в коренном упразднении всякого государственного управления.** Мы хотим **совершеннолетия народного,** а для совершеннолетия действительного, нужна наука.

Значит, ответят нам, вы признаете, по крайней мере, законность и необходимость хоть временной опеки над народом, а именно до тех пор, пока он не просветится наукой? Нет, не значит. Мы не только не признаем этой необходимости, но напротив уверены, что как бы ни была низка степень просвещения народного, и как бы ни были просвещённые, и искренни, честны народолюбивые люди, берущиеся за честолюбивое дело опекания народа, эта опека развратила бы их самих непременно и стала бы для народа непременно источником рабства, обеднения, умственного и нравственного застоя. *Такова уж логика всякой власти, что она, в одно и тоже время, неотразимым образом портит того, кто ее держит в руках и губит того, кто ей подчинен.*

И так, **мы ни в каком случае не признаем ни права, ни пользы опеки над народом, на какой бы степени развития этот народ ни стоял.**

Все что мы можем признать, это *естественность самого факта народного подчинения, народного терпения и повиновения там, где еще народ одержим суеверием, опьянен религиозными верованиями и надеждами, там, где трезвый голос науки не объяснил еще смысла вещей, и где продолжительное отсутствие свободы имело результатом неразвитость характеров и несознание собственной свободной силы.* Но люди, пользующиеся таким образом народным невежеством, от этого не становятся красивее.

Наша задача состоит поэтому, прежде всего, в уничтожении народного невежества. Но оно может быть побеждено *окончательно* только наукой. Доступна ли наука для народа? А почему же нет? Ведь она нам доступна, а в народных рядах есть много, много людей, которые будут, пожалуй, и поумнее нас с вами, любезный читатель. К тому же, вам известно, что именно наш народ природой не обижен, ум его свеж, могуч, а главное, свободен. Все предрассудки его на поверхности, ни один не успел залечь в нем тяжелым, неповоротливым камнем. **Но у него нет досуга, нет средств на учение.** К тому же правительство, теперь еще всемогущее, употребит без сомнения все громадные средства свои чтобы помешать настоящему народному просвещению.

Да, в этом весь вопрос, весь **социальный вопрос.** В нем лежит **необходимость самой революции.**

3. Критика просвещенческой тактики.

**(История народного просвещения.
– Дворяне. – Из кого состоит
революционная фаланга?)**

И посмотрите, как странно поставлен этот вопрос! кажется безвыходный круг: *чтобы освободить народ, надо его научить; а для того, чтобы его научить, надо дать ему средства, охоту и время на учение, то есть надо освободить его из-под того политического и социального гнета, которым он задавлен теперь*. Что же делать, с чего начать, с какой точки должны мы приняться за дело?

Многие говорят: *надо устроить по целой России народные школы*. Так говорят, особенно теперь, все усталые и от усталости или от испуга ослабевшие люди. Да, народные школы, без сомнения, прекрасное дело. Только кто даст народу время, охоту, возможность их посещать или посылать в них своих детей? Ведь он задавлен работой, которая еле-еле спасает его от голода. И кто будет устраивать школы? правительство? дворянство? богатые люди? попы? то есть те самые, против которых именно надо устраивать народные школы? Ведь это нелепость.

И, странное дело, нелепость эта у нас в России, в известной мере, чуть было не осуществилась. В среде дворянского сословия, бывшего, без сомнения, от самого основания Московского Царства по сегодняшний день, за одно с государством, злейшим врагом, грабителем и мучителем народа, – нашлись люди, искренно преданные делу народного просвещения и народного освобождения. Все Декабристы и Петрашевцы²¹ принадлежали к нему; к нему же принадлежит и не малая часть политических преступников, сосланных, ныне благополучно царствующим и благодушным императором, в Сибирь, на заточение и в каторгу. Так называемые **Нигилисты**, отчасти и огромное большинство **Нигилисток** вышли из того же сословия; так же, как и некоторые отдельные личности, ратующие в настоящее время за народ – разумеется *против огромного дворянского большинства* в судах и земских собраниях. Дворяне, представители целой губернии, в 1862 году требовали уничтожения сословий и создания всенародного земского собора. Наконец, оказались дворяне, хотевшие записаться в крестьяне. Правительство, лучше их понимавшее дворянское достоинство, дворянский долг и дворянские интересы, разумеется, ни на то, ни на другое, не согласилось.

Это странное явление объясняется, впрочем, весьма естественно. Дворянство, как известно, было у нас первым и в продолжении многих десятилетий единственным сословием, до которого коснулся свет западного просвещения; а просвещение одарено такой плодотворной силой, что несмотря на все гнусные политические и экономические условия (обрекающие до сих пор наше дворянство на холопство и

²¹ Имеется ввиду группа молодежи, собиравшаяся во 2-й половине 1840-х годов в Петербурге у В. М. Петрашевского (с 1845 года собрания стали еженедельными («пятницы»)) и получили известность среди прогрессивной общественности; утопические социалисты и демократы, стремившиеся к переустройству самодержавной и крепостнической России.

Петрашевский (Бугашевич-Петрашевский) Михаил Васильевич (1821-1866) – русский революционер. Сын врача, дворянин. Служил переводчиком в Министерстве иностранных дел. Редактор и автор большинства теоретических статей «Карманного словаря иностранных слов» (вып. 2, 1846), в котором пропагандировались демократические и материалистические идеи, принципы утопического социализма. В конце 1848 года участвовал в совещаниях, посвященных организации тайного общества, сторонник длительной подготовки народных масс к революционной борьбе. В 1849 году арестован, приговорен к расстрелу, замененному бессрочной каторгой, которую отбывал в Восточной Сибири. С 1856 года ссыльнопоселенец, жил в Иркутске, организовал газету «Амур» (1860). За выступления против произвола местных властей в феврале 1860 года выслан в Минусинский округ.

зверство), оно успело образовать даже в дворянской среде и особенно в дворянской молодежи, людей ненавидящих рабство, любящих справедливость и требующих более человеческих отношений к народу, на поте и крови которого было основано даже само их образование. Весьма редкие из них, разумеется, понимали, что первым условием действительного осуществления того, что они признают справедливым и желаемого ими освобождения народного, должно было быть *совершенное уничтожение* тех экономических условий, в силу которых они – привилегированное сословие, получили возможность образоваться, а народ, обрабатывающий на них *свою*, ими отнятую у него землю, был обречен на невежество. Тем не менее стремления их, хотя бессильные и бесплодные, потому что основаны на праве и на интересах народа, были искренни и благородны. Но цивилизация, основанная на привилегированной, наследственной собственности, то есть на эксплуатации народного труда в России, в Европе, везде, ныне, как и всегда, заключает в себе внутреннее противоречие, которое рано или поздно должно задавить под возрастающей силой эгоистических или сословных интересов, первоначальное бескорыстно-юное стремление к правде, справедливости и общему благу.

И действительно *логика сословных интересов*, стала в последнее время, преобладать видимым образом в сознании и в самом политическом направлении наших сословий, не имеющих, впрочем, вне правительства, ни смысла, ни силы. Та часть дворянства, которая не в конец разорилась от новых реформ, и которая сохранила возможность, по старой привычке, поддерживать свои поместья воровством, казенно-служебным, начинает действительно понимать, что, для соблюдения своих выгод и для спасения себя, как сословия, она должна дружно стать за правительство, за государство, за царя против народа. К тому ж и самый революционный вопрос поставлен у нас теперь гораздо определеннее и яснее, и выпутывается все более и более из того странного и, по нашему убеждению, чрезвычайно вредного смешения понятий и стремлений, которое позволяло еще недавно, людям, чуждым всяких революционных инстинктов, принимать себя не на шутку за революционеров. Они обманывали и себя и других, и положительно портили дело. Но с тех пор как стало ясно, что ни в России ни в целой Европе, не может быть другой революции, кроме социальной, зная, что социальная революция на полдороге остановиться не может, большинство богатых людей, желающих сохранить и передать своим детям унаследованное или *благоприобретенное* ими богатство, поняли, что им в революционных рядах не место, и что их собственные интересы требуют союза неразрывного с правительством, с государством. Вследствие чего, число *имущих* дворян и не дворян, в наших рядах, стало значительно уменьшаться, заменяясь людьми более способными любить, понимать и представлять народное дело; таковы: дети в пух разоренных дворян, разночинцы, семинаристы, мещане и крестьянские дети. В них состоит теперь главным образом и почти исключительно наша народная, противогосударственная фаланга – посредница между революционной мыслью и народом.

В начале нынешнего царствования этой розни еще не было, или она мало чувствовалась. Образованная молодежь всех сословий как бы сливалась в партии движения; и когда, вследствие благотельного крымского погрома, вслед за постыдной, *для государства*, войны, достойным образом увенчавшей царствование императора Николая, когда вся Россия восторжествовала и как бы воскресла, мысль об освобождении

народа, стала мыслью всеобщей; и так как никто не сомневался в том, что наука есть вернейшее средство для достижения этой цели, множество молодых людей разных сословий бросились учреждать народные школы, воскресные и не воскресные. В короткое время возникло в России значительное число таких школ, и все пошло прекрасно: народ, возбужденный светлой надеждой, стал учиться умно и охотно. Каких-нибудь десять лет такого учения, и он ушел бы далеко... Но мудрое правительство вдруг все остановило.

Да, правительство выказало в этом случае мудрость несомненную. Оно поняло, что просвещение народа будет губительно для него, для государственной власти, для целой империи. Екатерина II, без сомнения умнейшая из потомков²² Петра, писала одному из своих губернаторов, который поверив ее обычным фразам о необходимости народного просвещения, поднес ей проект об установлении школ для народа: «Дурак! все эти фразы пригодны, чтоб морочить западных болтунов; ты же знать должен, что *коль скоро народ наш станет грамотным, ни ты ни я не останемся на своих местах*». И действительно, народ, познавший при свете науки свою силу и свою настоящую пользу, не захочет платить ежегодно несколько сотен миллионов рублей и отдавать свою кровь на содержание империи, все существование и процветание которой, со времени ее основания, было и, необходимым образом, всегда будет основано на его разорении и рабстве.

Народу нашему, по счастливому выражению, высказавшему в двух словах вековые требования его, нужны прежде всего **Земля да Воля**. Империя же наша в особенности и, вообще, всякое военно-бюрократическое государство устроены так, что, если бы они даже хотели, они ни того ни другого, решительно, дать народу не могут. **В тот день, когда народ наш это поймет, империи не будет, следовательно все существование ее основано на народном невежестве.** Как же надеяться после того, чтобы правительство когда-либо захотело серьезно распространить просвещение в народе? И не право ли оно, *со своей точки зрения*, когда противится всеми возможными мерами, созданию рациональных школ для народа?

Нет сомнения, что оно поступает бесчеловечно, жестоко со всеми искренними ревнителями народной науки. Но мы удивляться его жестокости, ни даже упрекать его в ней, не станем. Оно делает свое дело. **Дело же всякого государства – душиť народ для сохранения себя;** точно также, как **дело людей революции – разрушать государство для избавления народа.**

«Кто устоит в неравном бою?». Сила настоящего, без сомнения, за государство. Но за то сила будущего, и надеемся, не слишком далекого будущего – за народ.

Мы удивляемся напротив тем, которые решаются утверждать, что правительство *могло не закрывать* воскресных и других школ, основанных передовыми людьми для народа; *могло терпеть* образование и процветание рабочих артелей; *могло выдержать* свободную критику и даже *извлечь для себя пользу* из бесцензурного печатного слова; *могло не звать* к себе на помощь лучшего представителя государственной мысли и пользы нашего государственного патриота Михаила Николаевича Муравьева-вешателя; *могло не засекаť и не расстреливать крестьян*, не сумевших раскусить с первого раза комедию мнимого освобождения; *не купаться в польской*

²² Точнее преемников.

*крови*²³ и не ссылатъ на каторгу, в заточение, и не губить сотни наших молодых людей, отдавших себя делу народного просвещения и народного освобождения; что оно могло, одним словом, *помирить интересы Империи с интересами русских и не русских народонаселений, работающих на нее, как рабы, и заключенных в ней как в остроге*. Признаемся, что нам, такая вера в способность правительства не делать зла и делать добро, творить чудеса не только по минусу, но также и по плюсу, казалась всегда удивительной наивностью.

Мы к этой наивности не причастны; ждем от правительства, или даже вернее, от государства, интересы которого оно представляет, всякого зла; и наперед обещаем, что как бы гнусно оно и впредь ни поступало, мы не только удивляться не станем, но будем видеть в его мерзейших поступках, естественные необходимые проявления его существа. Удивимся напротив, и мало порадуемся, когда ему удастся сделать хоть малейшую вещь в действительную пользу народа; потому что эта капля случайно сделанного им добра, возбуждением новой и непременно глупой веры в него, могла бы произвести много зла.

²³ Речь идет о польском восстании 1863 года, жестоко подавленном генерал-губернатором Северо-Западного края «М. Н. Муравьевым.

4. Революция. Что делать с народной верой?

Спешим закончить эту статью практическим заключением. Несомненно, говорим мы, что правительство воспротивится всеми силами устройству достаточных и разумных школ для народа. Должно ли это нас останавливать? Нисколько. Будем устраивать и помогать устройству школ, в крайнем случае даже правительственных, где и сколько будет возможно. Но не будем себя обманывать, и скажем себе, что, при бедности наших средств, и при громадности правительственного противодействия, **мы путем школ никогда не добьемся положительных результатов.**

Путь освобождения народа посредством науки для нас загражден; нам остается, поэтому, только один путь, путь революции. Пусть освободиться сперва наш народ, а когда он будет свободен, он сам захочет и сумеет всему научиться. **Наше же дело приготовить всенародное восстание, путем пропаганды.** О том, во имя чего и как нужно вести пропаганду, поговорим в другой раз. Теперь же, скажем еще несколько слов **об отношении нашем к народной религии.**

Мы уважаем безусловно свободу каждого, лишь бы она не была свободой притеснения и гнусным произволом эксплуататора и притеснителя. Поэтому мы уважаем свободу всякой веры; уважаем не самую веру, если она глупа (глупости уважать невозможно), но только несомненное право каждого человека верить во всякую глупость, если он находит в ней утешение и удовлетворение. *Это нам отнюдь мешать не должно говорить, писать, печатать, вести самую яркую пропаганду против всего что нам кажется нелепостью, ложью, хотя бы миллионы людей верили в них.* **Это наша обязанность, наше право.** Обязанность, потому что всякая ложь и всякая глупость непременно действуют пагубно на общество, принимающее их за добро и за истину. Право, потому что, вследствие зависимости всякого человека от общества, ущерб общества, наш ущерб; его пагуба, наша пагуба. И так **наше право и наша обязанность вести неотступную пропаганду против народной религии, не могут быть подвергнуты сомнению.** Другой вопрос: **как надо вести ее,** для того чтобы она действительно достигала своей цели?

Наш совет всем нашим друзьям: **поступайте осторожно с верой народа. Не потакайте ей, не притворяйтесь перед ней, но и не оскорбляйте ее.** Иначе вы оттолкнете народ от себя, *прежде чем он успеет увериться в нашей честной преданности его делу,* и сами поможете правительству, которое и без того употребляет все усилия чтобы отделать вас от него пропастью. Боритесь против народного суеверия, во всех тех случаях, когда будет возможно вести эту борьбу, без опасности потерять доверие народа. Но там, где противорелигиозная пропаганда могла бы восстановить его против вас, вы должны решительно от нее воздержаться. Эта осторожность необходима для самого успеха противорелигиозной пропаганды в народе.

Убедившись раз, что нам нет возможности идти путем просвещения к свободе и что мы должны достигать народной науки путем революции, **мы должны устремить главным образом всю свою пропаганду против царя; должны прежде всего уничтожить в сердце народа остатки той несчастной веры в царя, которая в продолжении столь многих веков обрекала его на гибельное рабство; должны окончательно его убедить, что помещичество и чиновничество, два главных предмета его исторической ненависти, собственной силы, никогда не имели, но держались всегда и продолжают держаться только волей и силой царя. Мы, наконец, должны пробудить в народе сознание его собственной, со времени**

Пугачева опять заснувшей силы; должны ему указать как соединением всех местных доселе разрозненных усилий своих в одно дружное всенародное дело, он должен восторжествовать над всеми притеснителями и врагами.

Исполним эту задачу, будем только честными и неусыпными приготовителями и повивателями революции. Все остальное сделает сама революция.

А до тех пор, да служит нам ободрением тот несомненный и, впрочем, нами вышеупомянутый факт, *что религия нашего народа*, хотя и облекается большей частью в грубые формы и содержит, как все христианство, догматы, поражающие не только своей нелепостью, но и безнравственностью, – что эта религия, в нашем народе, *болезнь только кожная, отнюдь не проникающая в глубь его жизни.*

Народная религиозная вера коренится не в одном только невежестве, но главным образом, в неполноте и в искусственной тесноте народной жизни, заедаемой собственниками и подавляемой государством; она есть как бы протест живого и жизни жаждущего сердца народа против гнусной действительности. **Напрасно бы было ждать освобождения народа от религиозного сумасшествия или пьянства**, пока само положение его коренным образом *не изменится*. Вы никогда не достигнете отрезвления его одним только *путем умственной пропаганды*. **Окончательно освободит его от всякой религии только СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ²⁴.**

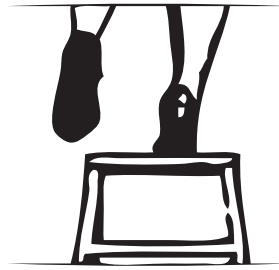
²⁴ Заметка журнала «Народное Дело»: «Между рабочими Европы установились с 1866 года ежегодные, правильные конгрессы, переменяющие каждый раз пункты своих съездов. Один из таких частных съездов будет в Нюрнберге с 4 по 7 сентября. По окончании Нюрнбергского Конгресса съехавшиеся туда работники пошлют депутатов в Брюссель, где будет уже общий «Конгресс Международной Ассоциации Трудящихся». Он открывает свои заседания с 6 сентября и будет продолжаться по 13 включительно. А с 22 по 26 того же месяца будет в Берне «Международный Конгресс Лиги Мира и Свободы».

Мы рекомендуем своим соотечественникам, находящимся в Европе, ознакомиться лично с ходом самих конгрессов и равно с движением рабочего вопроса, стоящего на очереди как у самих рабочих, так и у занимающихся социальным движением».

Фактическим продолжением этой статьи является работа «Наука и насущное революционное дело». В дальнейшем Бакунин перестал сотрудничать с журналом «Народное Дело», через полтора месяца он написал заявление в этот журнал лично Элпидину, вот его текст:

«Михаил Константинович – Во избежание неосновательных слухов, прошу Вас известить читателей печатаемого Вами Журнала «Народное Дело» – что я никакого участия в этом журнале не принимаю. Михаил Бакунин». (13 октября 1868, Женева, Швейцария. Из: Amsterdam, IISG, Archives Bakunin. Это заявление адресовано Элпидину является частью письма Жуковскому того же дня). - прим. публикатора).

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Михаил Бакунин
ПОСТАНОВКА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОПРОСОВ. Статья первая. НАУКА И НАРОД
(Идеализм и материализм. Религия и Государство. Просвещение и Революция)
Написано летом 1868. Опубликовано 1 сентября 1868.

IISG

ru.anarchistlibraries.net